

Крестный ходъ въ селѣ.

Литургія кончилась рано. По отпущкѣ цѣлованія креста не было. Въ алтарѣ началось чтеніе благодарственныхъ молитвъ, а присутствующіе въ храмѣ стали брать хоругви, иконы, подсвѣчники и выстроились въ два ряда по длинѣ храма. Впереди всѣхъ мальчикъ подростокъ съ фонаремъ, за нимъ двое мальчиковъ съ подсвѣчниками, затѣмъ двое мужчинъ съ новыми хоругвями и двое со старыми, далѣе по двѣ дѣвицы или женщины держали иконы — Спасителя, Божьей Матери, мѣстно — чтимыхъ святыхъ. Всѣхъ иконъ было до двадцати. На колокольнѣ въ это время совершался перезвонъ, т. е. сначала былъ звонъ въ самый

большой колоколь, потомъ въ подбольшіи и такъ до самаго маленькаго, а когда кончался переборъ всѣхъ колоколовъ, тогда былъ звонъ во вся. — Вотъ изъ алтаря вышелъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ и, обратясь лицомъ къ алтарю, произнесъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Тотчасъ-же мальчикъ съ фонаремъ двинулся впередъ къ выходу изъ храма, за нимъ мальчики съ подсвѣчниками, затѣмъ съ хоругвями и иконами, за иконами священникъ съ причтомъ и, стоявше по обѣ стороны храма сплошною стѣною, богомольцы. Вышли изъ храма. Причтъ пѣлъ послѣдованіе водосвятнаго молебна. Звонъ во вся туло разносился по окрестности, заглушая пѣніе священно-служителей. По выходѣ изъ ограды крестный ходъ направился на берегъ рѣки. Отъ множества идущихъ пыль поднималась густымъ облакомъ, садилась толстымъ слоемъ на платье, стѣсняла дыханіе, слѣзила глаза. День былъ жаркій; идти было тяжело; только легкій вѣтерокъ освѣжалъ потѣвшія лица, относилъ въ сторону поднявшуюся пыль, шаловливо игралъ хоругвями, платками на головахъ женщинъ и дѣвицъ и волосами мужчинъ. Солнышко привѣтливо глядѣло съ неба. Рѣка широкою лентою тянулась вдаль. На той сторонѣ рѣки мужчина, снявъ шапку, стоялъ и молился, а женщина быстро спустилась съ горы къ лодкѣ и поспѣшно стала переправляться на эту сторону къ шествующему крестному ходу. Часть богомольцевъ шла берегомъ рѣки, другіе — самымъ селомъ. На берегу рѣки, подлѣ домовъ стояли одѣтыя по праздничному крестьянскія семьи. Мѣстахъ въ двухъ, присѣвъ къ землѣ, женщина съ грудными дѣтьми и подростками поджидали св. иконы, чтобы подпасть подъ нихъ, а затѣмъ присоединялись къ крестному ходу. Вотъ шествіе остановилось на концѣ села. Здѣсь былъ поставленъ столъ, накрытый чистою скатертью. На столѣ стояло блюдо, тарелка и церковная водосвятная чаша съ водой. У самаго стола спереди всталъ мальчикъ съ фонаремъ, по сторонамъ стола — съ подсвѣчниками, предъ фонаремъ двѣ дѣвицы держали икону Казанской Божіей Матери, за нею запрестольные — крестъ и икона Богоматери, затѣмъ хоругви; съ другими иконами встали полукругомъ, а за иконами размѣстились богомольцы, пестрые костюмы которыхъ ярко выдѣлялись изъ окружающей зелени. За богомольцами два ряда избъ, обсаженныхъ березами, тянулись до самой церкви, которая, бѣлѣя, высилась надъ постройками и деревьями.

Звонъ на колокольнѣ прекратился. У стола совершался водосвятный молебенъ. По освященіи воды иконы двинулись далѣе, а богомольцы торопливо; обмоченною рукою въ блюдъ, въ которое сливалась вода съ креста по погруженіи его въ чашу, терли себѣ глаза, лобъ и все лицо. Шли теперь полемъ, засѣяннмъ ярвымъ хлѣбомъ, яркая зелень котораго блестѣла изумрудомъ; радовала идущихъ поселянъ, пробуждая въ нихъ чувство благодарности къ Создателю за непосланное и тѣмъ болѣе теперь, когда, какъ бы видимо, самъ Онъ присутствуетъ здѣсь. — Дорога шла изгибами и шествіе представлялось эффектиѣе. Живо разноцвѣтною лентою растянута толпа богомольцевъ болѣе чѣмъ на версту и эта лента, какъ бы шевелимая дуновеніемъ вѣтерка, то протягивалась прямо, то круто поворачивала, изгибаясь. Разговоръ не слышно. Лица серьезны, сосредоточенны. Слышно только пѣніе клира. Вонь вдали у деревни опять видна кучка молящихся. Ближе и ближе подвигаемся къ ней; вотъ уже и совсѣмъ близко; молящіеся преклонились къ землѣ, поднадая подъ св. иконы. Отчетливо слышно пѣніе „Высшую небесъ“; подходимъ къ деревнѣ. Здѣсь священно-служители пѣли простой молебенъ Спасителю. По окончаніи молебна крестный ходъ опять вышелъ на берегъ рѣки. Вдали виднѣлось поле, засѣянное рожью. Высокая рожь слегка колыхалась отъ дуновенія вѣтерка. Въ вышинѣ надъ ней пѣлъ жаворонокъ. Солнце грѣло сильнѣе и сильнѣе. Рѣка голубою лентою извивалась впереди и позади. На краю деревни кучка стариковъ и старухъ съ костылями. Приложивъ руку ко лбу и щурясь, всматриваются они въ приближающійся крестный ходъ, крестятся и низко кланяются. Богомольцевъ, идущихъ въ крестномъ ходу, становится меньше: тѣ, которые были изъ деревни не шли далѣе, а останавливались у своихъ домовъ и, молясь, провожали св. иконы. Крестный ходъ приближался къ другой деревнѣ, рядомъ съ селомъ. Стройный колокольный звонъ становился слышнѣе. Клиръ пѣлъ догматикъ. Остановились въ деревнѣ. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ св. пророку Іліи. Столъ былъ поставленъ подъ кудрявою рябиной и молебствіе совершилось въ тѣни, на самомъ берегу рѣки. Внизу спокойно струилась рѣка; кругомъ тишина, слышно только пѣніе клира да вздохи молящихся. Потъ льетъ градомъ со всѣхъ: прошли около 3-хъ верстъ; утомились. Вотъ опять заколыхались хоругви: крестный ходъ двинулся далѣе, прибли-

жаясь къ храму. Вонъ на высокомъ крутомъ берегу выстроились въ ширинку дѣти духовенства, съѣхавшіяся на дѣтнія ваникулы. Подходимъ; они наклоняются подъ св. иконы и присоединяются къ ходу. Вотъ еще стоитъ столикъ у самаго почти храма. Здѣсь молебенъ св. великомученику Георгію. Затѣмъ иконы вносятся въ храмъ и разставляются по мѣстамъ. Священникъ выноситъ изъ алтара крестъ, присутствующіе прикладываются и расходятся по домамъ.

А. Писаревскій.

Вспоминаніе.

Есть на Волгѣ село,
 Мнѣ знакомо оно:
 Почти годъ тамъ я жилъ,
 Тамъ я въ школу ходилъ.
 На крутомъ берегу
 Эта школа стоитъ
 И на Волгу рѣку
 Прямо съ выси глядитъ.
 Какъ красива на взглядъ!
 Какъ она хороша!
 Ужъ другимъ не подъ рядъ
 Съ ней: не стоятъ гроша.
 Палисадъ обнесень...
 Зади садъ разведенъ,
 И аллеи въ немъ есть.
 И скамейки, гдѣ сѣсть,
 Отдохнуть отъ трудовъ
 И уроки учить,
 А съ плодовыхъ деревь
 Вишень, яблочъ вкусить;
 Утомленный свой взоръ
 На цвѣты перевести,
 На зеленый коверъ;

Снова въ книгѣ прочесть:
 Какъ въ саду хорошо!
 Какъ люблю этотъ садъ!
 Въ немъ пріятно, свѣжо....
 Побывать еще радъ!

**

**

Благодѣтель купецъ
 Школу выстроилъ тамъ;
 Для нея онъ отецъ.
 Какъ бываетъ въ ней самъ:
 Обласкаетъ дѣтей,
 Приголубить ихъ всѣхъ;
 Навезетъ имъ сластей
 За ученье, успѣхъ.
 Бѣднякамъ сиротамъ
 Онъ обновъ привезетъ,
 Всѣмъ раздастъ по рукамъ,
 Всѣхъ къ себѣ призоветъ.
 Помню живо его;
 Меня онъ обласкалъ,
 Своей щедрой рукой
 Меня онъ обнималъ.
 И здоровья ему
 Я желаю всегда;
 А когда вспомяну,
 То сердечно любя.

**

**

Есть еще человекъ,
 Не могу умолчать
 (Не забуду во вѣкъ),
 Чтобъ о немъ не сказать:
 Ахъ, увижу-ль опять

Дорогое лицо?
 Также-ль буду взбѣгать
 На знакомо крыльцо?
 Нѣтъ, поди чай не то:
 Жизнь измяла меня,
 Много лѣтъ ужь прошло...
 А любимъ былъ тамъ я.
 Не забыть, не забыть,
 Дорогой, мнѣ тебя!
 Такъ, какъ ты, научить
 Вѣдь нельзя не любя:
 Ты мнѣ душу согрѣлъ,
 Сердце мнѣ оживилъ.
 Этотъ важный пробѣлъ
 Въ другой школѣ мертвилъ.
 Ласки не было тамъ,
 Лишь суровость одна
 (Испыталъ это самъ),
 Похвала холодна.
 А для дѣтской души
 Ласка пуще всего;
 Какъ ты тамъ ни строжи
 Не достигнешь того.
 Измѣнился и ты:
 Жребій выпалъ тяжелъ...
 Да. Разбились мечты;
 Весь въ себя ты ушелъ.
 Только дѣти одни
 И отрада тебѣ...
 Не воротить тѣ дни,
 Какъ жилось при женѣ!
 О тебѣ, дорогой,

Часто думаю я.
Ты бывало со мной
Говорилъ все, шутя:
Мальчишонкомъ я былъ,
А тебя понималъ...
Рѣчь твою не забылъ
И тебя угадалъ:
Ты дорогу избралъ
Просвѣщать и учить.
Твой святой идеаль —
Вѣрѣ, правдѣ служить!

***

Приведеть-ли мнѣ Богъ
Быть у васъ еще разъ?
Я здоровьемъ вѣдъ плохъ:
Какъ Господь еще спасъ!?
Ноетъ грудь и болить
И работать не въ мочь.
Сердце грустью щемить
Мнѣ въ безсонную ночь:
Что-то будетъ съ семьей,
Какъ я слягу совсѣмъ?
А въ болѣзни своей
Я не жду перемѣнъ.
Нуженъ полный покой,
Отъ работы отстать,
Безъ сего никакой
Нельзя пользы мнѣ ждать.
Не настолько богатъ,
Чтобы жить безъ труда,
И работѣ не радъ,
А идешь, какъ всегда.
Надорвешь себя тамъ,

Пуще все заболить,
И не радъ уже самъ:
Вся утроба горить.

А. Писаревскій.

И з ъ ж и т е й с к а г о .

Вѣтви деревьевъ въ окна глядятъ;
Блѣдно на небѣ сіяетъ луна.
Въ нижнемъ жилищѣ всѣ уже спятъ,
Только старушка качаетъ дитя.
„ Спи, мой родимый, соколикъ желанный!
„ Спи, ненаглядный, спи ужь пора!
„ На свѣтъ ты явился совсѣмъ ужь неожиданный...
„ Охъ, грѣхи; намъ съ тобою бѣда!
„ Имени батька знать ты не будешь,
„ Чужой тебѣ батька будетъ отцомъ.
„ Потомъ кровавымъ хлѣбъ ты добудешь,
„ Будешь работать простымъ мужикомъ“!
Такъ припѣвая, старушка качала
Въ люлькѣ дитя. Оно засыпало,
Горькую правду не чуя въ словахъ,
Не видя старушку съ слезой на глазахъ.

А. Писаревскій.

СОДЕРЖАНІЕ

октябрьской книжки Душенопольнаго чтенія.

Призывъ ко всеобщ. миру. -- Рѣчь Высокопреосвященнаго Владиміра митрополита Московскаго предъ открытіемъ памятника Царю-Освободи-